

Соб. кумуляра, 1979, 18 мая

СОЛНЦЕКРАСОЧНЫЙ ДЕЙНЕКА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«Кого не захватят наши дни? Кто останется к ним равнодушан? Яркие порывы, титанические размахи пролетариата солнцекрасочно хочется набросать тысячью самоцветных камешков, запечатлеть эту борьбу пролетарских масс...» Так писал двадцатилетний студент ВХУТЕМАСа, куда его послала учиться красноармейская часть, — Александр Дейнека. В курском журнале «Наш день» рассказывая землякам о счастье будущего своего творчества, этот гениальный юноша, еще не живописец и не монументалист, пока только рисовавший, с трудом изыскивающий бумагу и черный карандаш, — предсказывает характер и даже изобразительные техники, к которым станет обращаться. Сам того не ведая, он дает точнеешее определение большого стиля, ныне всем известного как стиль Дейнеки. Яркие порывы, титанические размахи пролетариата — это его картины об обороне Петрограда, о строительстве новой жизни в Донбассе, о спорте и о спортсменах, о победе в Великой Отечественной. Тысячи самоцветных камешков, его прекрасных мозаик. Солнцекрасочность могучей палитры.

Если разворачиваешь свиток такой жизни, как эта, от конца к началу, находишь в ней мгновения высшего осознания задач, которые осуществились полно и точно. «Художник обязан зорко видеть, чем живет Родина. Обязан это так показать, чтобы зритель сказал: я это видел, знаю, я это люблю», — говорил Дейнека уже в последние годы жизни и понимал, что его зритель всегда обращал к нему только такое чувство.

В течение многих десятилетий этот смелый, сильный, уверенный в себе новатор был правофланговым советского искусства. Возглавлял шеренгу, создававшую произведения, которые обрели черты символа своего времени. То были богатые, щедрые десятилетия. Однако и ныне, когда Дейнеки уже нет, именно в его творчестве продолжает искать прообразы творчества новое поколение советских художников. Оно приняло большой стиль Дейнеки, его героические ракурсы, крупные планы, сильные движения, найденные им для своих героев. Законом стал и свет Дейнеки, прямое утреннее солнце, которое он так любил, его вольный воздух: его простор, его широта.

Но ошибается тот, кто полагает, будто только нынешние талантливые наследники его большого стиля ввели Дейнеку в традицию. Вовсе нет. Как всякий истинный новатор, он был традиционен изначально. Традиционен духовно. Идеино. Поэтически. Эта его вечная любовь и нежная песня материнства. Эта русская проникновенность пейзажа, когда и безлюдный пейзаж говорит человеческими голосами и судьбами. Это пронзительное сочувствие сиротству, старости — вспоминается набросок карандашом на газетном листе военных лет: медленно бредущая старуха, опирающаяся на палку, одинокая, и шрифтовой столбце фона кажется руинной сожженного фашистами города... Новатор и традиционалист — это и есть классик. В советском изобразительном искусстве классик Дейнека занимает то же место, которое в советской поэзии занимает Маяковский. Они были во многом похожи. Но более всего в особой любви к солнцу, с ним оба они беседовали вольно и весело...

Александра
ПИСТУНОВА.